

Янкович П.В., младший научный сотрудник, Смоленский государственный университет (Россия)

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ВНУТРЕННИХ РАБОТАХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СМОЛЕНСКОЙ, БРЯНСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-Е ГОДЫ

В статье подробно рассматривается трудовая деятельность заключенных на внутренних работах в учреждениях исполнения наказаний, которые находились на территории Смоленской, Брянской и Орловской губерний в 1920-е годы. Особое внимание уделено основным видам работ, в которых были заняты осуждённые, а также условиям труда и уровню производительности. Этот исторический период представляет собой важный этап в развитии пенитенциарной системы России и может быть интересен для изучения на современном этапе, когда система исполнения наказаний претерпевает значительные изменения и реформы. В 1920-х годах в нашей стране происходили радикальные реформы в пенитенциарной сфере, которые были направлены на улучшение условий содержания заключенных и оптимизацию их трудовой деятельности. На тот момент это были передовые идеи не только для России, но и для всей Европы. Советская власть в изучаемый период начала формировать новую пенитенциарную политику, основанную на принципе исправительно-трудового функционирования учреждений исполнения наказаний. Этот процесс реформирования и смены парадигмы в деятельности данных учреждений является уникальным опытом в отечественной истории и может служить полезным ориентиром для современных преобразований российской пенитенциарной системы и её дальнейшего развития.

Ключевые слова: труд заключенных, система исполнения наказаний, пенитенциарная система, РСФСР.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-184-191

Введение. Вопросы, так или иначе связанные с трудом заключённых, всегда рассматривались в работах по изучению пенитенциарной системы. Значительная активность в обсуждении вопросов принудительного труда заключенных проявилась уже в 1930-е годы. В результате учёными и пенитенциаристами была сформирована своего рода консолидированная точка зрения, заключающаяся в оценке характера труда в местах лишения свободы как ничем не отличающегося от труда миллионов обычных граждан СССР. При этом в отличие от «принудительного рабского труда заключенных» в «буржуазных тюрьмах» подчеркивалась необходимость постепенного осуществления перехода к исправительным учреждениям, направленным на воспитание [1, с. 73]. В советский период по причине закрытости мест лишения свободы большинство исследований были посвящены преимущественно функционированию системы исправления наказания в целом, без детализации проблемы. На современном этапе изучения истории отечественной пенитенциарной системы начала XX века ученые характеризуют принудительный труд, используемый в лагерях, как неэффективный, затратный и даже нередко бесполезный по причине незавершенности многих объектов.

Объекты и методы исследования. В настоящей работе объектом исследования выступает трудовая деятельность заключенных в местах лишения свободы в Советской России в 1920-х годах на территориях Смоленской, Брянской и Орловской губерний. В ходе исследовательской работы использовались материалы одного центрального

архива (Государственный архив Российской Федерации) и трех региональных (Смоленской, Брянской и Орловской областей). Методы работы с архивным источником, безусловно, стали основными в данном исследовании, особенно в части демонстрации условий труда и видов производимой продукции заключенными. Статистический метод используется для сопоставления однотипных статистических показателей в изучаемых регионах и помогает сформировать общее представление о процессах, происходивших в местах лишения свободы. Нарративный метод при помощи архивных материалов помогает сформировать полную картину об исправительных учреждениях изучаемого периода. Сравнительный метод позволил сопоставить условия труда и быта заключенных в изучаемых губерниях.

Результаты и их обсуждение. По мере развития общества основным способом воздействия на заключенных становится трудовая деятельность, главной задачей которой являлось приучение арестантов к труду и зарабатыванию денежных средств честным путем, предоставление им возможности овладеть какими-либо профессиональными навыками. Это было необходимо для того, чтобы по отбыванию наказания они могли легче адаптироваться к жизни за пределами исправительного учреждения. В результате должно было уменьшиться количество рецидивов. В советский период привлечение заключенных к трудовой деятельности являлось основным направлением в процессе их исправления, для реализации которого необходимо было организовать различные виды производства.

Воспитательно-исправительное значение труда заключенных нашло отражение в «Положении об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 года, где перед учреждениями исполнения наказаний ставилась задача «приучить и приохотить» к труду заключенных, дать им возможность при выходе на свободу жить трудовой жизнью. При этом труд являлся обязательным для любого гражданина РСФСР, в том числе и для лишенных свободы, отбывавших наказание по приговору суда. Подследственным предлагалось по своему усмотрению выбрать, какой работой заниматься из перечня имевшихся возможностей в месте лишения свободы [9, с. 74].

Все работы для заключенных делились на две категории: внутренние и внешние. Внутренние, в свою очередь, подразделялись на хозяйственные и на работу в мастерских. Труд в мастерских был направлен на удовлетворение внутренних потребностей самого исправительного учреждения, других тюрем и государственных органов. Заказы от Центрального карательного отдела для удовлетворения нужд других госучреждений республики должны были выполняться в первую очередь. Руководство организовывало производства, при работе на которых заключенные могли получить знания и приобрести навыки, полезные им после освобождения.

При организации работ в исправительных учреждениях обязательно учитывалась необходимость в их продукции в конкретно взятой местности для обеспечения потребности местного населения. Работа мастерских предполагала обязательное осуществление надзора и контроля на производстве. С целью наладить эффективную работу на местах Центральный карательный отдел РСФСР в январе 1920 года издал рекомендации по улучшению трудовой деятельности в местах заключения [5, д. 12, л. 99]. Так, если в учреждении не было возможности установить оборудование и станки в мастерские (слесарно-кузнечные, столярные, швейные, сапожные и другие), то следовало вводить кустарное производство по актуальным для каждой местности направлениям [5, д. 12, л. 99].

Рассмотрим степень реализации центральных предписаний и рекомендаций на примере организации внутренних работ в отдельных исправительно-трудовых учреждениях Смоленской, Брянской и Орловской губерний.

На 1 декабря 1927 года всего на Смоленщине было «оборудовано» 2366 штатных мест для лиц, лишенных свободы, при этом реальная численность арестантов составляла 3873 человека. 57% всех заключенных были сосредоточены в Смоленском изоляторе специального назначения и Смоленском губернском доме заключения. Их переполненность составляла 39 и 33%

соответственно [6, д. 39, л. 12].

Самым крупным учреждением пенитенциарной системы на Смоленщине являлся Смоленский губернский дом заключения, но ситуация в материально-технической базе с приходом советской власти не сильно изменилась. Решение о постройке здания для губернской тюрьмы было принято еще в 1849 году, к реальным строительным работам приступили только в 1857 году. Итогово здание тюрьмы будет построено на перекрестке Витебского шоссе и современной улицы 12 лет Октября в ноябре 1859 года. После революции Смоленская губернская тюрьма сохранила свои функции. Большая часть персонала осталась на своих местах, весь комплекс тюремных зданий был сохранен, хотя и вынужден существовать, как и все другие исправительные учреждения губернии, в условиях плохого финансирования. Если 1 июля 1921 года в Смоленском доме заключения содержалось 487 человек, то уже в начале 1923 года их насчитывалось уже от 600 до 730 человек. С 1923 по 1927 год только дважды зафиксированы периоды, когда данное исправительное учреждение не было переполнено. Максимальное количество заключенных в указанных временных рамках отмечено в ноябре 1926 года – 1129 человек: 160 следственных, 728 срочных, 156 пересыльных, 74 кассационных, 11 детей при матерях. Примерно с начала 1926 года срочных заключенных становится больше, чем следственных [7, д. 10, л. 8; 7, д. 14, л. 2; 7, д. 18(1924), л. 6, 255, 297; 7, д. 18(1925), л. 42; 7, д. 22, л. 2; 4, д. 2, л. 120–124].

В 1920 году в имевшихся мастерских Смоленского губернского дома заключения были предусмотрены возможности для работы 2 кузнецов, 4 плотников, 2 слесарей, 7 портных и сапожников [10, л. 297–297 об.]. В начале 1921 года на территории домзака в общей сложности в мастерских было занято уже 26 человек, работали сапожная, столярная, портняжная и шапочная, лапотная, жестяная и слесарная, печатная мастерские и кузница [11, л. 27]. Отдельно для женского труда были открыты белошвейная, портняжная, вышивальная и чулочные мастерские. С этого момента производственная деятельность, реализуемая в домзаке с использованием труда заключенных, стала неуклонно расти. К лету 1921 года численность занятых на таких работах увеличилась до 303, при этом общая численность заключенных на тот момент составляла 427 человек [11, л. 27].

В мастерских был разнообразный ассортимент производимой продукции. Сапожники изготавливали мужскую, женскую и детскую обувь. Здесь шили пальто, шубы, шинели, френчи, пиджаки, гимнастерки, брюки, рубахи, кальсоны и одежду для самих заключенных. Столяры делали столы и табуретки, оконные рамы, шкафы и

комоды, лари, ящики, бочки, колеса и экипажи и многое другое. В кузнечной мастерской осуществляли оковку телег, бочек, ковку лошадей, производили строительные и другие инструменты. Хлебопекарня давала продукцию не только для исправительного учреждения, но и на продажу [11, л. 57–58].

В то же время оставалось очевидным, что вся производимая работа относилась к низкоквалифицированной, а механизация труда, по сути, отсутствовала. Такая организация производства вряд ли могла существенно улучшить материальное положение исправительного учреждения. К тому же ситуация осложнялась спецификой работы в таких учреждениях: происходила постоянная смена заключенных; как только осужденный приобретал хорошие навыки, подходил конец срока отбывания наказания.

Согласно финансовому отчету за 1924–1925 год основная проблема развития внутренних работ в Смоленском домзаке заключалась в недофинансировании и нехватке площадей для развития производства. На слесарную мастерскую отводилось 7 кв. саж. (1 сажень = 2,13 метра), на слесарно-плотницкую – 13,53 кв. саж., на сапожную – 13,32 кв. саж., на портняжную 10,09 кв. сажень. Кузница занимала отдельное каменное здание [10, л. 1]. В дальнейшем столярная мастерская будет расширена до 22 кв. саж., в основном за счет площади, выделенной под сапожников. Под слесарную мастерскую вообще использовалась часть жилых камер. Причем принятые меры не решали проблему санитарных условий в мастерских: «помещения тесны, сыры и в отношении самых элементарных требований гигиены труда оставляют желать лучшего» [10, л. 1].

Из-за тех же причин нехватки средств помещения, принадлежащие местам заключения, иногда сдавались в аренду гражданским лицам для ведения частного бизнеса. Так, в марте 1925 года Смоленский изолятор сдал в аренду во временное пользование кожевенную мастерскую гражданину Нейману со всем имеющимся в ней оборудованием и инвентарем сроком на 4 года. В договоре указывались цели аренды и количество производимых кож: в первый год – 1500 шт., во второй год – 2500 шт., в третий год – 4000 шт., в четвертый год – 6000 шт. Арендатор обязывался использовать труд заключенных и выплачивать им жалование за проделанную работу в соответствии с законодательством, производить за свой счет ремонт в помещении. Арендная плата за месяц в натуральном выражении составляла 10 фунтов кожи [10, л. 367–369].

В других исследуемых регионах ситуация с внутренними работами заключенных складывалась по-разному. Так, в Орловской губернии, согласно отчету за 1923–1924 финансовый год, в

уездных местах заключения имелись «кое-какие мастерские», но далеко не в каждом. Они, как правило, работали на внутренние потребности исправительного учреждения. Всего по губернии за отчетный период было заработано 3842 рубля [2, д. 105, л. 1]. На этом фоне выделялся Орловский изолятор специального назначения, в котором действовало 8 мастерских. Но в то же время все здания изолятора требовали капитального ремонта. В 1925 году комиссия фиксировала следующее состояние изолятора: требовала перетирки и побелки внутренняя штукатурка стен, не менее половины деревянных полов необходимо было перестилать и красить, в большинстве окон отсутствовали зимние переплеты, требовалась перекладка большей части печей, почти не работали внутренний водопровод и канализация [2, д. 105, л. 14]. Но, если по смете в 1923–1924 году на ремонт Орловского изолятора требовалось 174 000 рублей, выделено было лишь 14 700 рублей, а на 1925 год предполагалось отпустить еще 6900 рублей [2, д. 180, л. 14].

В марте 1924 года в изоляторе количество работающих в мастерских заключенных было следующим: столярная – 8 человек, бондарная – 2 человека, токарная по дереву – 2 человека, слесарная – 5 человек, жестяная – 5 человек, кузнечная – 2 человека, токарная по металлу – 1 человек, портновская – 10 человек, сапожная – 12 человек, ткацкая – на момент написания отчета не было рабочих, типография – 8 человек, переплетная – 5 человек, ремонтная – 10 человек. Общая численность заключенных, занятых на всех производствах, составляла около 90 человек [2, д. 105, л. 11]. При этом общая численность заключенных на 1 января 1924 года составляла 1058, из них: 214 срочных, 123 следственных, 21 пересыльных (так в документе – П.Я.). Прибыло заключенных с 1 января по ноябрь 1924 года: срочных – 1304, следственных – 1480, пересыльных – 1083. Убыло в тот же период: срочных – 1366, следственных – 1382, пересыльных – 1082. Состояние на 1 ноября 1924 года: срочных – 873, следственных – 221, пересыльных – 222 [2, д. 105, л. 43].

За 1923–1924 финансовый год столярной мастерской изолятора было изготовлено 45 столов, 89 табуреток, 12 сундуков, 57 скамей, 12 кроватей, 11 портсигаров, 8 кадок, 8 ушатов, 12 баков, 25 больших кадушек, 51 различная полка, 15 черпаков, 22 носилок, 2 лохани, 10 стеллажей, 8 плевательниц, отремонтировано 4 бочки, 7 столов, 6 лоханей, 40 кадок, 40 форточек, 11 стульев и «множество разной мелочевки». Слесарная мастерская дала 62 железных печи, 291 железную трубу, 194 ведра, 113 больших и 25 малых параш, 100 угольников, 62 самоварных трубы, 13 пар вьюшек, 11 фонарей, 11 ассенизационных

черпаков, 67 колен к трубам, 25 молотков, 25 секир. Кроме того, были отремонтированы 1 печатная машинка, 2 токарных станка по металлу, 2 токарных станка по дереву и 52 кровати.

Результат работы кузнечной мастерской: подковано 586 конских ног, отремонтировано 28 больших замков, 38 малых замков, 78 ключей к ним, 57 медных кувшинов, 58 медных тарелок, 32 медные миски, 25 самоваров, 32 железные печки и 26 различных баков, не считая различной мелкой работы.

Портновская мастерская изготовила 57 шинелей, 12 полушубков, 20 шуб, 22 пальто, 74 бушлата, 400 телогреек на вате, 1770 кальсон, 1010 брюк, 884 рубашки, 2 френча, 8 костюмов, 12 гимнастерок, 4 кепки и 2 женские юбки [2, д. 105, л. 1]. Ткацкая мастерская изготовила 1967 аршин (1 аршин = 0,71 метра) подкладочного холста. Сапожная мастерская пошила 83 пары мужских сапог, 45 пар дамских сапог, 15 пар дамских бот, 109 пар разной обуви, 11 пар дамских сандалий и починила 598 пар различной обуви. Типография отпечатала 2569 различных конторских книг, было переплетено и сброшюровано 2796 книг, 67060 тетрадей, изготовлено спичечных коробок 61500 штук [2, д. 105, л. 12].

В уездных местах заключения мастерские в указанный период в большинстве своем отсутствовали. Губернская инспекция главной причиной этого называла недостаточное финансирование. Изменений ситуации в лучшую сторону не предполагалось, поскольку Орловский губисполком вообще не включал такую статью расходов в смету бюджета на 1923–1924 финансовый год [2, д. 105, л. 12].

Среди местного населения Орловской губернии большой спрос имелся на кузнечные и плотницкие работы: ковку лошадей, починку повозок, оковку колес, починку сельскохозяйственного инвентаря и другие подобные работы. Всеми исправительными учреждениями были предприняты определенные действия с целью расширения количества внешних заказов. В первую очередь была произведена закупка необходимого инструмента и материалов, причем для некоторых мастерских были приобретены на 100% новые предметы оборудования. За 1923 год в некоторых исправительных учреждениях Орловской губернии удалось расширить производства: в слесарном, столярном, кузнечном, печатном. Расширение было настолько значительным, что перестало хватать квалифицированной рабочей силы, а общее количество рабочих увеличилось с 80 до 130 человек. Все восстановления и ремонт мастерских производились силами заключенных [2, д. 105, л. 36]. Уже в 1925 году инспекция мест заключения отмечала, что в Орловском изоляторе активно работала механически-слесарная мастерская, которая получила заказы на ремонт и

переделку весов у почтового округа. Помимо этого был получен заказ на производство болтов для плугов. Данное производство оценивалось как очень выгодное из-за неограниченных потребностей в изделиях. Но все упиралось в нехватку средств: для развития производства надо было закупить пресс для болтов и другие инструменты, однако отсутствие средств ограничивало работу ручным способом, что очень осложняло и задерживало производство [2, д. 180, л. 8].

Слесарная и жестяная мастерские изолятора обслуживали потребности преимущественно нужд мест заключений. В первой работало 29 человек, во второй – 4. Столярная мастерская с 19 работниками изготавливала сани, классные доски, топчаны, столы, скамейки. Кузнечная мастерская с персоналом в 7 человек производила полки, сани и ремонтировала ассенизационный обоз. Сапожная мастерская «несколько оживилась» после поступивших заказов на производство одежды и обуви [2, д. 180, л. 9].

Если в 1924 году в мастерских Орловского изолятора было занято около 90 человек, то уже в 1925 году расклад был такой: портновская – 14 человек, сапожная – 23 человека, столярная – 28 человек, слесарная – 27 человек, типография – 28 человек, коробочная – 13 человек, пакетная – 7 человек, папиросная – 22 человека, кузнечная – 6 человек, весовая – 6 человек, медно-жестяная – 7 человек, рабочих на капитальном ремонте – 27 человек, сельскохозяйственное отделение – 19 человек, ассенизационный обоз – 14 выездов. Кроме того, на поденных работах было занято 6 человек. Итого в трудовой деятельности было занято 247 человек [2, д. 289, л. 23]. При этом был большой поток заключенных. Прибыло заключенных с 1 января по ноябрь 1924 года: срочных – 1304, следственных – 1480, пересыльных – 1083. Убыло в тот же период: срочных – 1366, следственных – 1382, пересыльных – 1082. Состояние на 1 ноября 1924 года: срочных – 873, следственных – 221, пересыльных – 222 [2, д. 105, л. 43].

В Брянской губернии дела обстояли несколько иначе, чем в Орловской. В самом начале развернуть эффективную производственную работу исправительных учреждений не получалось по нескольким причинам: отсутствие постоянных работников в мастерских из-за текучести заключенных; нехватка денежных средств для развития производственной базы. Помимо этого, вплоть до 1922 года, имела место и постоянная сменяемость начальников мест заключения, каждый из которых предпринимал определенные попытки по налаживанию эффективной производственной работы, но всем им не хватало опыта и времени из-за краткосрочности пребывания в должности. Лишь в 1923 году с приходом более «стабильных»

и подготовленных руководителей «в тяжелых материальных условиях работа мастерских стала налаживаться» [1, д. 115, л. 70 об.].

Процесс организации мастерских, как и в соседних Смоленской и Орловской губерниях, проходил в обстановке дефицита денежных средств. Местный бюджет смог выделить только 30 000 советских знаков, в условиях гиперинфляции это были мизерные деньги. Ввиду этого руководители исправительных учреждений вынуждены были активно использовать внешние работы для изыскания денежных средств. Половина заработанных таким образом денег уходила на оборудование внутренних мастерских.

Основным был Брянский исправдом, рассчитанный на 475 мест. При этом в 1925 году была зафиксирована переполненность на 100%. Как следствие, ощущалась острая нехватка вещевого довольствия заключенных, становилось невозможным проведение должной санобработки, в результате чего возрастал риск вспышки эпидемиологических заболеваний. В распоряжении Брянского исправительного дома находились три сельскохозяйственные фермы: Мякишево, Морачева и Горферма. Мякишево примерно в 35 верстах, Морачева в 55 верстах от Брянска, Горферма находилась вблизи Брянска [2, д. 148, л. 4].

На территории Брянского исправдома работало несколько мастерских: кузнечная, столярная, слесарная, портняжная, сапожная, токарная по дереву и по металлу. Общая трудоемкость мастерских составляла около 70 заключенных. Кроме того, в своем подчинении Брянский исправдом имел два кирпичных завода: первый был ориентирован на производство строительного кирпича, второй производил гжельский кирпич. До 1922 года завод был в распоряжении губернской инспекции, так как исправдом в тот период был «слишком занят» тремя находившимися в его ведении сельскохозяйственными фермами. До 1923 года на нем работали в основном заключенные из концентрационного лагеря принудительных работ, который располагался в Брянске [1, д. 115, л. 70 об.].

На начало 1922 года первый кирпичный завод не имел машинной выработки сырца, и потому вручную было сделано лишь 9000 заготовок. На втором заводе были две очень ослабленные лошади и разбитый обоз. К концу года, после пяти лет простоя, на заводе было выработано 246 720 штук сырца, из которых получилось 232 035 штук строительного кирпича. Другие 11 185 штук были бракованные. Кроме того, за год, к 1923 году, завод был переоборудован и пополнен обоз: имелось семь лошадей, дроги на железном ходу и на деревянном ходу, две коломахи и одна двуколка для подвоза глины, двое саней, двое подсанок и ко всему обозу соответствующее число лошадей и

полный комплект упряжи. На приобретение мертвого инвентаря был потрачен 91 рубль, на живой – 462 рубля золотом, обоз обошелся в 204 рубля. Всего же на расходные материалы и оборудование было потрачено около 2490 рублей [1, д. 115, л. 71].

Дополнительно на 1923 год были запланированы следующие виды работ: постройка двух новых сараев, увеличение числа рельсовых линий, капитальный ремонт казарм для заключенных, установка деревянной ограды по периметру завода. Эти планы не удалось реализовать в полной мере ввиду постоянного движения контингента рабочей силы, так как заключенные постоянно менялись либо по причине окончания срока наказания, либо по причине амнистии, приходили новые. Поэтому ремонтные работы были перенесены на 1924–1925 годы.

Осложнялась работа кирпичного завода и трудностями с добычей глины, так как мощностей имеющегося 30-сильного мотора не хватало, а запасы доброкачественной глины постепенно истощались. В связи с этим удалось наработать только 246 720 штук сырца вместо запланированных 600 000. Однако руководство завода все же решило эту проблему и на замену старому мотору нашли другой, 50-сильный. Кроме того, открыли новый карьер для добычи глины [1, д. 115, л. 71 об.]. В таких условиях на 1924 год планировалось изготовить уже 700 000 сырца машинной выработки и 200 000 ручной, а обжечь 900 000 кирпича [1, д. 115, л. 71 об.].

Уже в отчете за 1924–1925 год губернская инспекция мест заключения фиксировала, что завод № 1 все еще работал преимущественно ручным способом, второй использовал примитивные машины на лошадиной силе. За указанный промежуток времени было произведено 481 750 штук строительного и 204 000 штук гжельского кирпича. Себестоимость строевого кирпича составляла 27 рублей за 1 тыс., гжельского – 25,5 рубля. Продажная цена была 35 и 38 рублей соответственно.

Материальная база кирпичных заводов постепенно модернизировалась. В середине 1920-х годов на заводе № 1 была возведена новая напольная печь для обжига кирпича вместимостью 46 тыс. штук, поставлен новый сарай и отремонтирован старый, построено жилое помещение и конюшня. На втором заводе были произведены отдельные ремонтные работы. Сбыт гжельского кирпича не задерживался, покупатели иногда даже ожидали выхода кирпича из обжига и записывались в очередь. На строительный кирпич спрос был небольшой и его сбыт задерживался. На момент написания отчета оставался запас в размере 250 тыс. штук. Ввиду такого спроса звучали рациональные предложения по расширению производственных мощностей на втором заводе,

но сделать это не получилось из-за недостатка денежных средств [1, д. 255, л. 4 об.].

Уже в 1924 году в Брянском губернском исправительном доме были организованы следующие мастерские: портновская, сапожная, слесарная, кузнечная, малярная, плотницкая. В августе заработала колбасная мастерская. Но, по оценке руководства исправительного учреждения, внутреннее производство нельзя было назвать удовлетворительным, так как организованы мастерские были кустарным способом и ни одна из них не была оборудована механическими машинами. Работы в первую очередь выполнялись по заказам губернского исправдома, а также для государственных учреждений, и только потом исполнялись частные заказы, но они были преимущественно мелкие [1, д. 255, л. 3]. От учреждений иногда поступали и крупные заказы, как, например, договор на изготовление 437 топчанов для военного ведомства или заказ от Госспирта на изготовление ящиков.

В части простого увеличения доходов благодаря обязательному привлечению заключенных к труду на базе создаваемых мастерских в 1924–1925 году Брянская губернская инспекция мест заключения отмечала положительную динамику по сравнению с предыдущим периодом. Деятельность всех мастерских оценивалась как удовлетворительная, за исключением таковых в Почепском доме заключения, который находился на стадии организации и еще не смог оборудовать мастерские. Не справлялся с поставленными задачами и Севский исправдом, где была сокращена должность инструктора по работе, производственные показатели упали. Системной оставалась и проблема с оплатой труда: ГИК и другие учреждения задерживали оплату счетов по выполненным заказам, отсюда происходили перебои в работе производств, поскольку не за что было приобретать материалы. Для решения этой проблемы предпринимались меры вплоть до уровня губисполкома [1, д. 255, л. 3].

Не способствовали развитию производственной деятельности учреждений исполнения наказаний в Брянской губернии и кадровые потрясения. В 1927 году были сняты с должностей начальник Брянского губернского исправдома, его помощник, отвечающий за рабочую часть, главный бухгалтер, инструктор и заведующий городским сельскохозяйственным отделением. Против последнего было возбуждено уголовное дело. В это же время Брянский исправдом окончательно «уходит в монопрофильность» – в сторону фабричного производства кирпича. Было изготовлено 630 тыс. штук кирпича, что составляло 80% от возможной производительности заводов. Дальнейший рост производства осложнялся

изношенностью оборудования [3, д. 301, л. 17]. Хотя, по утверждению руководства губернской инспекции, качество кирпича, выпускаемого на заводе при исправдоме, ничем не отличалось от других заводов Брянской губернии [3, д. 301, л. 18].

Средний заработок заключенного, занятого на производстве, по всей губернии составлял около 36 копеек в день. На кирпичных заводах оплата исчислялась исходя из разряда рабочего, в то время как в мастерских на оплату труда уходило от 20 до 60% заработанных средств. В 1926–1927 финансовом году на кирпичных заводах трудилось около 120 заключенных со средней оплатой труда 3 рубля 85 копеек в месяц. В мастерских Брянского губернского исправдома трудилось в среднем 70 человек. Зарплата значительно отличалась от ставки работников завода, и сотрудников в разных мастерских. Так, в столярной средний заработок составлял 12 рублей в месяц, в сапожной – 18 рублей, а в кузнечной всего 2 рубля 88 копеек [3, д. 313, л. 5].

Вся сумма заработанных средств за 1926–1927 бюджетный год составляла около 66 506 рублей, из которых кирпичный завод № 1 дал 21 106 рублей, кирпичный завод № 2 – 10 306 рублей, столярная мастерская – 26 763 рубля, сапожная – 4795 рублей, портняжная – 1214 рублей, кузнечная и слесарная – 2320 рублей. Главный доход, безусловно, обеспечивали два кирпичных завода, максимальная выработка которых в отчетном году, согласно отчету губернской инспекции, составляла 2 000 000 шт. строительного и 300 000 шт. гжельского кирпича [3, д. 313, л. 5]. Достичь такого прироста производства на первом кирпичном заводе стало возможным благодаря начавшемуся в 1926 году постепенному переоборудованию: была отремонтирована гофманская печь, старые сараи, построены новые. Ремонт будет завершен лишь весной 1928 года, хотя из-за проблем с кирпично-делательной машиной отказаться полностью от ручного производства не получилось [3, д. 313, л. 6]. Не соответствовали своей должности и приглашенные для настройки и отладки производственного процесса мастера, в силу чего производилось много бракованного кирпича. Снижало производительность и нежелание заключенных заниматься тяжелой работой за небольшую заработную плату [3, д. 313, л. 6].

Заключение (выводы). Трудовая деятельность заключенных на внутренних работах была важной частью процесса отбывания наказания в местах лишения свободы в первые годы советского периода. С одной стороны, руководство системы исполнения наказаний придавало огромное значение трудовой деятельности заключенных и всячески старалось регламентировать этот процесс. Считалось, что заключенный должен был

почувствовать себя в естественных трудовых условиях и привыкнуть к ним, чтобы после освобождения продолжить честно трудиться. Человек, попавший в исправительное учреждение, имел шанс получить профессиональные навыки, например, кузнеца или плотника, и после отбывания наказания мог бы трудиться в той или иной производственной сфере. Все это соответствовало концепции исправления заключенного через труд.

В то же время было немало проблем по организации мастерских и внутренних производств, главная из которых – отсутствие должного финансирования. Чтобы организовать и развивать

мастерские необходимы были значительные денежные вливания для оборудования помещений, закупки инструментов, сырья. Общая эффективность трудовой деятельности не была высокой. Как правило, большинство заказов поступало от пенитенциарных учреждений для удовлетворения собственных нужд системы, что не приносило большого дохода. Работа мастерских позволяла снизить внутрисистемные расходы на простые бытовые вещи, например, одежду для заключенных и ремонт инструмента, что в определенной мере способствовало улучшению условий пребывания арестантов в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (Далее – ГАБО) Ф. Р – 2374. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ) Ф. Р – 4042. Оп. 2.
3. ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 3.
4. Государственный архив Смоленской области (Далее - ГАСО) Ф. 2360. Оп. 3.
5. ГАСО. Ф. Р – 1465. Оп. 1.
6. ГАСО. Ф. Р – 1591. Оп. 1.
7. ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2.
8. ГАСО. Ф. Р – 42. Оп. 1.
9. Игишева Е.А. Современная историография развития пенитенциарной системы на Урале в 1920-е годы // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 145–154.
10. От тюрем к воспитательным учреждениям / под ред. А.Я. Вышинского, М., 1934. 449 с.
11. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. 360 с.
12. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика М., 1934. 253 с.

THE LABOR OF PRISONERS IN INTERNAL WORK IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE SMOLENSK, BRYANSK AND ORYOL PROVINCES IN THE 1920S

The article provides a detailed examination of the labor activities of prisoners engaged in internal work within correctional institutions located in the Smolensk, Bryansk, and Oryol provinces during the 1920s. Particular attention is given to the primary types of work in which the incarcerated individuals were involved, as well as the conditions of labor and levels of productivity. This historical period represents a significant stage in the development of the penitentiary system in Russia and is of particular interest for study in the contemporary context, especially as the corrections system undergoes considerable changes and reforms. During the 1920s, our country experienced radical reforms in the penal sphere aimed at improving the conditions of prisoner confinement and optimizing their labor activities. At that time, these ideas were pioneering not only for Russia but also for Europe as a whole. The Soviet authorities, during the period under consideration, began to formulate a new penitentiary policy based on the principle of corrective-labor functioning within correctional institutions. This process of reform and paradigm shift in the operations of these institutions represents a unique experience in our national history and may serve as a valuable reference for contemporary transformations of the Russian penitentiary system and its future development.

Keywords: prison labor, penal enforcement system, penitentiary system, RSFSR.

References

1. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti (Dalee – GABO) [The State Archive of the Bryansk region] F. R – 2374. Op. 1.
2. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (Dalee – GARF) [The State Archive of the Russian Federation] F. R – 4042. Op. 2.
3. GARF. F. R – 4042. Op. 3.
4. Gosudarstvenny`j arxiv Smolenskoj oblasti (Dalee - GASO) [The State Archive of the Smolensk region] F. 2360. Op. 3.
5. GASO. F. R – 1465. Op. 1.
6. GASO. F. R – 1591. Op. 1.
7. GASO. F. R – 161. Op. 2.

8. GASO. F. R – 42. Op. 1.

9. Igisheva E.A. (2008) *Sovremennaya istoriografiya razvitiya penitenciarnoj sistemy` na Urale v 1920-e gody`* [Modern historiography of the development of the penitentiary system in the Urals in the 1920s] // *Vestnik ChelGU*. 2008. № 18. S. 145–154.

10. *Ot tyurem k vospitatel`ny`m uchrezhdeniyam* [From prisons to educational institutions] / pod red. A.Ya. Vy`shinskogo, M., 1934. 449 s.

11. *Sbornik normativny`x aktov po sovetskomu ispravitel`no-trudovomu pravu (1917-1959)* [Collection of normative acts on Soviet correctional labor law (1917-1959)]. M., 1959. 360 s.

12. Utevsij B.S. (1934) *Sovetskaya ispravitel`no-trudovaya politika* [Soviet correctional labor policy] M., 1934. 253 s.

Об авторе

Янкович Павел Викторович – младший научный сотрудник Смоленского государственного университета (Россия), E-mail: pavel-yankovich@yandex.ru

Yankovich Pavel Viktorovich – Junior Researcher at Smolensk State University (Russia), E-mail: pavel-yankovich@yandex.ru